

Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1

Аннотация. Национально-этнические анклавы являются одной из форм материализации «параллельных пространств» (во всей палитре присущих им свойств), а потому их правомерно квалифицировать в качестве уникальной практики преломления концепции мультикультурализма. Как показал исторический опыт, презумпция взаимного стремления к интеграции на основе признания концепции мультикультурализма в качестве руководящего принципа взаимоотношений (прежде всего применительно к европейским государствам и находящимся в их пределах мигрантским группам) не оправдала себя ввиду недостаточного учета всего объема факторов воздействия (рисков). На этой основе подчеркивается значимость применения подхода, в структуру которого имплементированы дифференцированные комплексные методологические формулы (политико-правовые, социально-экономические, национально-культурные), позволяющие гармонизировать «иностранные» аутентичные культуры (в том числе религиозные практики, поведенческие модели в рамках общих социальных пространств) с доминирующей и исторически обусловленной культурой принимающего сообщества с признанием примата данной культуры (в том числе гетерогенного характера).

Анклавы рассматриваются в качестве пространственно-географического и социально-институционального феномена. Пространственно-географическая составляющая отражает инфраструктурный ландшафт анклава, в том числе экономические, производственные, экологические особенности в определенных географических координатах (на местоположении). Социально-институциональная переменная характеризует сообщество, возникшее и функционирующее в силу и в рамках определенных групп параметров соидентичности (национальный, религиозный, лингвистический, правовой (обычно-правовой) и пр.), подчеркивает имманентные для него связи (внутренние и внешние). Под национально-этническими анклавами предлагается понимать обособленные квазитерриториальные образования, где в силу объективно вынужденных условий компактно проживают (постоянно или временно) национальные меньшинства (преимущественно мигрантские группы), придерживающиеся аутентичного образа жизни, который отличается от общепринятого (мэйнстрим) в принимающем обществе. В статье выделены характерные императивные и факультативные признаки анклавов, подчеркивается гетерогенная конфигурация социальной структуры анклавов, исследованы причины формирования и функции этнонациональных анклавов, выявлены сходства и отличия анклавов от гетто и этнобурбов.

Ключевые слова: государство; межнациональные отношения; миграция; сегрегация; анклавы; прото-анклавы; гетто; этнобурбы; публично-правовое регулирование.

Для цитирования: Ирхин И. В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1 // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 39–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051.

© Ирхин И. В., 2021

* Ирхин Игорь Валерьевич, доктор юридических наук, старший научный сотрудник Кубанского государственного университета
Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
dissertacia@yandex.ru

National and Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 1

Igor V. Irkhin, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher, Kuban State University
ul. Stavropolskaya, d. 149, Krasnodar, Russia, 350040
dissertacia@yandex.ru

Abstract. National and ethnic enclaves constitute one of the forms of "parallel spaces" materialization (In the entire palette of inherent properties) and, therefore, it is legitimate to qualify them as a unique practice of refraction of the concept of multiculturalism. Historical experience has shown that the presumption of mutual desire for integration based on the recognition of the concept of multiculturalism as a guiding principle of relations (primarily in relation to European states and migrant groups within their borders) did not justify itself due to insufficient consideration of the entire scope of influencing factors (risks). On this basis, the author emphasizes the importance of applying an approach the structure of which includes differentiated complex methodological formulas (political and legal, socio-economic, national-cultural) that encourage harmonization of "foreign" authentic cultures (including religious practices, behavioural patterns in the framework of social environments) with a dominant and historically determined culture of the host community with the recognition of the primacy of its culture (including a heterogeneous nature).

Enclaves are viewed as a spatial-geographical and socio-institutional phenomenon. The spatial and geographical component reflects the infrastructure landscape of the enclave, including the inherent economic, production, and environmental features in certain geographical coordinates (at the location). A socio-institutional variable characterizes a community that has appeared and functions by virtue of and within certain groups of co-identity parameters (national, religious, linguistic, legal (usually legal), etc.), emphasizes its inherent connections (internal and external). Under national-ethnic enclaves it is proposed to understand separate quasi-territorial formations, where, due to objectively forced conditions, national minorities (mainly migrant groups) live compactly (permanently or temporarily), adhering to an authentic way of life that differs from the generally accepted way (mainstream) in the host society. The paper highlights the characteristic imperative and optional features of enclaves, emphasizes the heterogeneous configuration of the social structure of enclaves, investigates the reasons for the formation and functions of ethno-national enclaves, identifies the similarities and differences between enclaves and ghettos and ethno-burbs.

Keywords: state; interethnic relations; migration; segregation; enclaves; proto-enclaves; ghetto; ethno-turbans; public law regulation.

Cite as: Irkhin IV. Natsionalno-etnicheskie anklavy v sovremennoy mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoy aspekt). Chast 1. [National and Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulatory Instruments (Public Law Aspect). Part 1.]. *Lex russica*. 2021;74(11):39-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.039-051 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Сегодня национально-этнические анклавы¹ (далее — анклавы) являются одной из форм воплощения тенденции глокализации, которая характеризуется диалектическим единством феноменов глобализации и локализации социальных, территориальных, правовых, культурных, религиозных и иных пространств, а также имманентными для данных феноменов диссонансами, продуцирующими (репродуцирующими) мультипликативные матрицы рефлексии дей-

ствительности индивидами и формируемыми ими социальными группами.

Анклавы являются одной из форм материализации «параллельных пространств» (во всей палитре свойств), а потому их правомерно квалифицировать в качестве уникальной (*sui generis*) практики преломления концепции мультикультурализма. В этом плане важно то, что в актуальный период времени данная концепция как инструмент социальной интеграции и аккультурации мигрантских групп с отличающимися мировоззренческими установками от

¹ В настоящей работе мигрантские анклавы, национально-этнические анклавы, этнонациональные анклавы рассматриваются как идентичные понятия.

общепринятых в принимаемых сообществах утрачивает свое былое (аксиоматическое) значение. В этом контексте показателен тезис А. Меркель (ныне экс-канцлера ФРГ), которая отметила, что «мультикультурализм ведет к созданию параллельных сообществ, а потому является большим заблуждением»². Вместе с тем отрицание культурных прав, а также непризнание объективно существующего культурного многообразия и межкультурных границ представляется некорректным (нерациональным) вектором поиска компромиссных решений между принимающим сообществом и мигрантскими сообществами, негодным средством социальной адаптации и интеграции мигрантов в мейнстрим-культуру.

Европейская хартия городов 1992 г.³ устанавливает, что успешное культурное развитие должно быть также направлено на удовлетворение особых потребностей и участие определенных групп населения, например молодежи и, что очень важно, сообществ иммигрантов. Заслуживают также внимания нормы о том, что сообщества иммигрантов из разных стран, меньшинства, имеющие разные традиции, культуру, языки и религии, не всегда принимаются и интегрируются в сообщество города. Их опыт жизни в городе часто показывает социальное отторжение, одиночество, страх и очень низкий уровень жизни. Интеграция многих культур является ключевым фактором повышения уровня жизни в городах мигрирующих сообществ и источником культурного и экономического обогащения для местных органов власти и города в целом. Призыванием города являются гостеприимство и прием групп людей с разной культурой, которые должны жить вместе, работать и сотрудничать, осознавая, что это принесет пользу всему городскому сообществу. Подчеркивается также, что местные власти должны принимать или усиливать законодательные акты против дискриминации с целью обеспечения одинакового доступа всем гражданам, независимо от расы и этнического происхождения, в общественные места (улицы,

транспорт, гостиницы, магазины, театры, кино-театры и т. д.), к профессиональному обучению, в школы, к получению жилья, к культурной деятельности и другим аспектам жизни города. Иммигрантские общины должны, кроме того, иметь право на создание своих собственных местных ассоциаций для защиты своих интересов и утверждения своего культурного лица.

При этом согласно ст. 34 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18.12.1990⁴ ничто в настоящей Конвенции не освобождает трудящихся-мигрантов и членов их семей от обязательства соблюдать законы и правила любого государства транзита и государства работы по найму или от обязательства уважать культурную самобытность жителей таких государств.

Как показал исторический опыт, презумпция взаимного стремления к интеграции на основе признания концепции мультикультурализма в качестве руководящего принципа взаимоотношений европейских государств и мигрантских групп не оправдала себя ввиду недостаточного учета всего объема факторов воздействия (рисков). В Европейской хартии городов II (Манифест новой урбанистики) 2008 г.⁵ подчеркивается обеспокоенность процессами территориального неравенства, которые выражаются в том, что некоторые городские районы превращаются в «привилегированные», в центрах городов наблюдается неконтролируемый всплеск цен на недвижимость, одновременно возникают гетто в пригородных районах или то здесь, то там появляются частные зоны с высоким уровнем безопасности, а все это приводит к территориальной сегрегации, разрушающей наши города.

В этой связи представляется целесообразным применение подхода, в основе которого находятся дифференцированные комплексные методологические формулы (политико-правовые, социально-экономические, национально-культурные), позволяющие гармонизировать «иностранные» аутентичные культуры (в том числе религиозные практики, поведенческие

² Marten L., Hainmueller J., Hangartner D. Ethnic network can foster the economic integration of refugees // PNAS. 2019. Vol. 116. P. 16280.

³ Европейская хартия городов. Принята Постоянной конференцией местных и региональных органов власти Европы Совета Европы 30.03.1992 // URL: <https://zakonbase.ru/content/base/21053/?pdf=1> (дата обращения: 11.05.2021).

⁴ Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1990 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 11.05.2021).

модели в рамках общих социальных пространств) с доминирующей и исторически обусловленной культурой принимающего сообщества с признанием примата данной культуры (в том числе гетерогенного характера). Данный подход позволит минимизировать риски сегрегации и дискриминации, которые правомерно считать едва ли не основными мотивирующими факторами (импульсами) образования анклавов.

Необходимо учитывать, что высокие темпы внешней миграции лиц с существенно отличающимися ценностно-мировоззренческими установками (в том числе основанными на радикальных интерпретациях религиозных учений), с отчужденческими тенденциями усиливают риски дестабилизации межнациональной и межконфессиональной обстановки, сосредотачивают потенциал для возникновения центробежных тенденций в государствах, притягательных для мигрантов, в особенности в условиях локализации мигрантов в рамках анклавов.

Основные подходы к определению национально-этнических анклавов, причины их формирования и функции

В литературе анклавы определяются как «пространственный»⁶ или «пространственный и институциональный феномен»⁷.

На наш взгляд, анклавы следует рассматривать в качестве пространственно-географического и социально-институционального феномена (при учете монолитной конфигурации концептуальной природы анклавов). Так,

пространственно-географическая составляющая отражает инфраструктурный ландшафт анклава, в том числе его экономические, производственные, экологические особенности в определенных географических координатах (на местоположении). Социально-институциональная переменная характеризует сообщество, возникшее и функционирующее в силу и в рамках определенных групп параметров соидентичности (национальный, религиозный, лингвистический, правовой (обычно-правовой) и пр.), а также подчеркивает имманентные для него связи (внутренние и внешние).

В литературе под этническими анклавами понимаются «городские кварталы, в которых мигрантские группы или национальные меньшинства проживают компактно (концентрированно)»⁸. Предлагается также квалифицировать анклав как «кварталы, в которых доминирует конкретная этническая группа и присутствуют институты, отражающие характерные культурные ценности и символы»⁹. Подчеркивается, что «анклавы являются пространственно сегрегированными сообществами, возникшими вследствие социальных процессов классовой, этнической или расовой дифференциации и кластеризации»¹⁰. Указывается, что «этнические анклавы представляют собой четко выраженные географически или пространственно ограниченные этнические центры»¹¹. Под анклавом предлагается понимать также «пространственно локализованный район проживания лиц одинакового происхождения, связанных между собой взаимными социальными, экономическими и политическими выгодами»¹²; «компактный район, в котором члены определенных групп населения идентифицируют себя по этни-

⁵ Европейская хартия городов II (Манифест новой урбанистики). Резолюция 261 (2008). Обсуждена и одобрена Палатой местных властей 28 мая 2008 г., принята Конгрессом 29 мая 2008 г.) // URL: <https://rm.coe.int/168071a868> (дата обращения: 11.05.2021).

⁶ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006 // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. 2010. Vol. 11. P. 335.

⁷ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 317.

⁸ Zhou M. Ethnic enclaves and niches. Wiley Online Library. 2013. P. 1 // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781444351071.wbeghm201> (дата обращения: 11.05.2021).

⁹ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 318.

¹⁰ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 318.

¹¹ Wang W., Zhou S., Fan C. Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. P. 105.

¹² Bryson E. Functions of Urban Ethnic Enclaves with a Focus on South Boston's Ethnic Irish Enclave in a Historical Perspectives. Open Access Master's Theses. Paper 1768. 2003. P. 6 // URL: <https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2742&context=theses> (дата обращения: 11.05.2021).

ческому, религиозному или другим признакам, объединены в целях экономического, социального и политического, культурного развития»¹³; «район пространственной концентрации членов конкретной группы населения, которая идентифицирует себя по этническому, религиозному или другому признаку, объединившиеся в целях защиты и содействия собственному экономическому, социальному, политическому и (или) культурному развитию»¹⁴.

На наш взгляд, под национально-этническими анклавами следует понимать обособленные квазитерриториальные образования, где в силу объективных условий¹⁵ вынужденно компактно проживают (постоянно или временно) национальные меньшинства (преимущественно мигрантские группы), придерживающиеся аутентичного образа жизни, который отличается от общепринятого (мэйнстрим) в принимающем обществе. При этом императивными характеристиками признаками анклавов являются гомогенная социокультурная матрица, в структуру которой имплементированы сходные (близкие) культурно-мировоззренческие представления, основанные на принадлежности к одной (в том числе симбиотической) национальности, религии, культуре, языку; сегрегированность; пространственная компактная замкнутость (члены анклавов не интегрированы в мэйнстрим-общество) и географически маркированная локализация в определенных границах (поселок, квартал, район, улица); кластерный характер экономики. Среди факультативных признаков можно выделить единую гражданскую принадлежность членов анклавов; близость правовых культур; осуществление традиционных видов хозяйственной деятельности.

В этой связи представляются дискуссионными подходы, в соответствии с которыми ан-

клавы определяются как «профессиональная (трудовая) ниша, в которой этническая группа осуществляет определенную деятельность и обладает влиянием»¹⁶, или квалифицируются в качестве «социально-экономического и культурного комплекса, позволяющего извлекать экономические преимущества для отдельной группы населения в конкретном месте»¹⁷. Следует отметить, что указанными характеристиками не исчерпываются основополагающие параметры концептуальной конфигурации анклава. Во-первых, трудовая ниша или социально-экономический и культурный комплекс не всегда обладают географически маркированным и пространственно компактным и замкнутым изолированным характером, сегрегированностью. Во-вторых, в рамках указанных определений не учитывается гомогенная социокультурная матрица анклава.

В этом же аспекте спорным является тезис о том, что «анклав представляет собой квартал (район), где основные институты и коммерческие объекты принадлежат членам этнического кластера и управляются ими же — это социальный и экономический комплекс»¹⁸. Думается, что при таком подходе социально-экономической составляющей придается гипертрофированное (исключительное) значение.

По своей социальной структуре анклавы, как правило, не являются гомогенными квазитерриториальными образованиями — в их пределах представлена широкая палитра различных этнических, религиозных и языковых групп. Так, «проживающие в анклав города Торонто (Канада) выходцы из Южной Азии включают восточных индийцев, пенджабцев, бенгальцев, тамильцев, пакистанцев, имеющие единое географическое происхождение, определенные расовые или культурные сход-

¹³ Bryson E. Op. cit. P. 8.

¹⁴ Marcuse P. Enclaves Yes, Ghetto, No: Segregation and the State. 2001. P. 4 // URL: http://www.urbancenter.utoronto.ca/pdfs/curp/Marcuse_Segregationandthe.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁵ О трансформации анклавов в культурно-досуговые центры будет сказано далее.

¹⁶ Model S. A Comparative Perspective on the Ethnic Enclave: Blacks, Italians, and Jews in New York City // International Migration Review. 1985. Vol. 19. P. 64.

¹⁷ Valenzuela-Garcia H., Molina J., Lubbers M., Garcia-Macias A., Pampalona J., Lerner J. On Heterogeneous and Homogeneous Networks in a Multilayered Reality: Clashing Interests in the Ethnic Enclave of Lloret de Mar // Societies. 2014. Vol. 4. P. 88.

¹⁸ Dang A. The impact of ethnic enclaves on the assimilation of a community: the case of Chinese in New York and Los Angeles. P. 3 // URL: https://www.academia.edu/33003697/The_impact_of_ethnic_enclaves_on_the_assimilation_of_a_community_the_case_of_Chinese_Americans_in_New_York_and_Los_Angeles (дата обращения: 11.05.2021).

ства, но отличающиеся по языку, религии или национальности»¹⁹. В городе Гуанчжоу (КНР) сформирован африканский анклав, в состав которого входят мигранты из Мали, Гамбии, Ганы, Сенегала, Конго. На этой основе данный анклав в литературе именуется как «транснациональный»²⁰. В латиноамериканском анклав города Нэшвилл (США) преобладающее большинство населения составляют выходцы из стран Латинской Америки. При этом совместно с ними в анклав проживают другие этнические группы, а также англоговорящее белое и черное население. В литературе отмечается, что «данный район гордится различными этническими магазинами и ресторанами, которые готовы к обслуживанию курдов, эфиопов и азиатов, представленных здесь в небольшом количестве. Латиноамериканцы же составляют наиболее крупную и заметную часть населения анклава, что проявляется во множественных свидетельствах об этом символах (национальные флаги, надписи на испанском языке, украшения и орнаменты и пр.), которые, в свою очередь, подчеркивают социальную идентичность латиноамериканских мигрантов, подтверждают их доминирование в юго-восточной части Нэшвилля. Среди местных жителей (нелатиноамериканского происхождения), проживающих в Нэшвилле, данный район получил неофициальное прозвище “Маленькая Мексика”»²¹.

Вместе с тем гетерогенная социальная конфигурация анклавов не ведет к утрате идентичности входящих в них этнических групп, не предполагает диффузии социокультурных особенностей, элиминирование специфики субкультурных пространств. Так, «концентрация постоянных и временных мигрантов из Южной Кореи и Таиланда в пригородном районе Сиднея (Австралия) — Хеймаркете (Чай-

натаун) привело к развитию “Кореятауна” и “Тайятауна” в рамках данного китайского квартала. Указанные изменения в демографической композиции свидетельствуют, что сиднейский “Чайнатаун” был преобразован из гомогенного китайского анклава в гибридный, мультикультурный и мультиэтнический район “азиатскости”»²². При этом межкультурная коммуникация различных этнических групп, как правило, осуществляется на уровне личного общения (дружеские отношения, бизнес, посещение пунктов общественного питания). В институциональном контексте китайские, тайские и корейские сообщества редко контактируют друг с другом²³. В рамках ранее упомянутого анклава, расположенного в юго-восточной части Нэшвилля, социальные связи между латиноамериканцами также преимущественно являются «гомогенными»²⁴.

В литературе выделяются различные причины возникновения анклавов. Например, А. С. Мельникова называет «перемещение этнических общностей между странами и территориями; стремление к объединению одного этноса на территории чужой страны; принудительное территориальное рассредоточение представителей определенной этнической группы»²⁵.

Во-первых, «перемещение» является не причиной, а общей предпосылкой и условием для любых форм миграции, в том числе не связанных с созданием анклавов. Во-вторых, стремление к объединению одного этноса не всегда приводит к возникновению анклавов как квазитерриториальных образований с присущим им набором квалифицирующих признаков. В-третьих, анклав формируются вне принудительных форм «территориального рассредоточения» (со стороны органов публичной власти).

¹⁹ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 321.

²⁰ Li Z., Xue D., Lyons M., Brown A. Ethnic Enclave of Transnational Migrants in Guangzhou: A Case Study of Xiaobei. P. 22 // URL: <http://asiandrivers.open.ac.uk/lyons%20brown%20zhigang%20li%20ethnic%20enclaves%20china%20%282%29.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

²¹ Chaney J. The Formation of a Hispanic Enclave in Nashville, Tennessee // *Southeastern Geographer*. 2010. Vol. 50. P. 26–27.

²² Wong A., Anderson K., Ang I., McNeill D. Sydney's Chinatown in the Asian Century: From ethnic enclave to global hub. Research Report. Western Sydney University, 2016. P. 23. URL: <https://www.jstor.org/stable/26225588?seq=1> (дата обращения: 11.05.2021).

²³ Wong A., Anderson K., Ang I., McNeill D. Op. cit. P. 50.

²⁴ Chaney J. Op. cit. P. 31.

²⁵ Мельникова А. С. Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург : Институт экономики УрОПАН, 2017. Т. 2. С. 329.

При этом анклав возникает в силу вынужденных обстоятельств для мигрантов, столкнувшихся с объективными трудностями адаптации и интеграции в принимающем сообществе. Так, в США причины территориальной концентрации лиц одной этнической принадлежности предопределяются удобством локальной коммуникации, проблемами трудоустройства, потребностями консолидации финансовых и трудовых ресурсов, стоимостью жилья.

Немаловажное значение имеет «сквозная» проблематика, обусловленная рисками (фактами) дискриминации мигрантов, решение (паллиативное) которой осуществляется путем формирования анклавов.

В этом аспекте характерным примером является ситуация с сомалийскими мигрантами в Великобритании. В литературе отмечается, что «почти все сомалийцы, которые прибыли в Великобританию из Нидерландов, сначала останавливаются у членов семьи или друзей для того, чтобы сориентироваться в ситуации на рынке жилья. Зачастую один или два члена прибывшей семьи направляются первыми на поиски жилья, а затем приезжают остальные. Они едут в районы, где знакомы с составом населения, где проживают сомалийцы и им могут подсказать, что это «безопасное» и «хорошее место» для жизнеустройства. Связано это с тем, что некоторые районы мигранты стараются избегать (например, Браунстоун, где преобладает численное большинство белого населения), поскольку случались инциденты с проживающими здесь сомалийцами»²⁶.

В некоторых работах иногда допускается смешение причин формирования территориальных форм концентрации мигрантов (территории с признаками анклава). Так, применительно к Москве подчеркивается, что «наиболее пестрые по этническому составу населения — районы центра города и его бывших рабочих окраин. Это результат различий в финансовых возможностях национальных элит

и интеллигенции, с одной стороны, и трудовых мигрантов — с другой, а не стремления этнических групп или диаспор гастарбайтеров к компактному проживанию»²⁷.

Надо заметить, что, во-первых, «стремление этнических групп или диаспор гастарбайтеров к компактному проживанию» может быть обусловлено «финансовыми возможностями мигрантов». В равной мере «финансовые возможности» могут предопределяться их «компактным проживанием». Во-вторых, на выбор места проживания также влияют возможность трудоустройства поблизости, чувство защищенности в пределах родственной социальной группы, доступность социальной инфраструктуры (сады, школы), наличие родственников (помощь в уходе за детьми) и пр. В-третьих, нельзя не принимать во внимание, что стоимость жилья варьируется в зависимости от локализации мигрантских групп.

С учетом вышеизложенного недостаточно развернутым представляется тезис о том, что «анклавы формируются при наличии ограничений в жилье, языке и рынке труда. В этой связи мигранты объединяются в анклав, где пытаются найти доступное место проживания, социальные связи и другие преимущества, обусловленные принадлежностью к знакомой культуре»²⁸.

С. Хайберт считает, что «анклавы образуются в силу трех причин, которые можно рассматривать в единстве и по отдельности: экономические причины; избегание меньшинств основным большинством населения; желание жить в этнокультурных сообществах кластерного типа»²⁹. Необходимо отметить, что «желание жить в этнокультурных сообществах кластерного типа» может быть вызвано «экономическими причинами», а также «избеганием меньшинств основным большинством населения». В равной мере экономические причины могут обуславливаться стремлением укрыться в анклав, а также фактором дискриминационного отно-

²⁶ Liempt I. From Dutch Dispersal to Ethnic Enclaves in the UK: The Relationship between Segregation and Integration Examined through the Eyes of Somalis // Urban Studies Journal Foundation. 2011. Vol. 22. P. 8.

²⁷ Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 7–8.

²⁸ Shuang Li. Ethnicity and Migration — The Concentration and Dispersion of Foreign-Born Asians and Hispanics in the United States. Electronic Theses and Dissertations, 2020. P. 14 // URL: <https://openprairie.sdstate.edu/etd/5019/>.

²⁹ Hiebert D. Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver. IRPP Study 52. Montreal Institute for Research on Public Policy. 2015. P. 40. URL: <https://irpp.org/wp-content/uploads/2015/08/study-no-52-1.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

шения со стороны принимающего сообщества. В свою очередь, желание жить в анклаве может быть детерминировано фактором избегания со стороны мейнстрим-сообщества.

Как представляется, основными причинами формирования анклавов являются обусловленная объективными факторами возможность приобретения мигрантами преимуществ для собственного жизнеустройства в рамках принимающего сообщества (государства) посредством консолидации сосредоточенных в рамках анклавов ресурсов (экономических, финансовых, социальных, организационных, политических и пр.), защищенность индивидов в пределах анклава. Дополнительные причины непосредственно связаны с основными и переплетены между собой: дискриминация, стоимость жилья, удобства локации, решение вопросов трудоустройства, знакомая социокультурная среда и пр.

В литературе выделяются различные подходы к дифференциации функций национально-этнических анклавов. В частности, указывают на «жилищную, социальную и экономическую функции»³⁰. Отмечаются также «защитная, изоляционная (avoidance), нападающая (attack), охранительная функции. Защитная функция определяет суть анклава, поскольку предусматривает определенный уровень защищенности (safety) его жителей и формирует социально-физический барьер. Другой уровень защиты проявляется в самоизоляции, которая обеспечивается путем объединения в кластере соответствующей категории лиц с целью создания единой системы поддержки и сокращения контактов с принимающим сообществом. Анклавы становятся местом, где осуществляется первый прием после въезда, где с пониманием и поддержкой относятся к положению мигрантов. Помимо этого, изоляционная функция создает эффект цепной реакции, когда мигранты впитывают ментальность анклава. Нападающая функция позволяет корректировать реакцию принимающего сообщества и влиять на нее. В этом плане анклав представляет собой место организации и готовую среду для выборов местных представителей. Охранительная функ-

ция нацелена на противодействие факторам внешнего давления и обеспечение внутренней стабильности»³¹.

На наш взгляд, основные функции анклавов можно объединить в два крупных блока: жизнеобеспечение и его защита (охрана). Жизнеобеспечивающая функция предусматривает возможность получения обусловленных консолидацией ресурсов преимуществ для жизнеустройства мигрантов в рамках принимающего сообщества (государства). Защитная (охранная) функция предполагает создание и поддержание режима безопасности и стабильности для анклава и его жителей. При этом следует иметь в виду, что данные функции объективно взаимосвязаны.

Сходства и отличия этнонациональных анклавов от гетто и этнобурбов

От анклавов следует отличать гетто, которые определяются в качестве «кварталов расовой или национальной концентрации населения, образованных в результате социального изгнания, где господствует бедность и упадок»³². В свою очередь, для анклавов указанные признаки не имеют императивного значения, так как «большинство современных анклавов являются результатом добровольного выбора места жительства с учетом фактора рыночной структуры и курса публичной политики»³³. Например, «Чайнатаун в Нью-Йорке отличается от гетто тем, что в него входят лица, принадлежащие к различным расовым группам, которые обосновались в этом районе безотносительно фактора дискриминации»³⁴. В то же время не являются исключительными случаи, когда анклавы возникают как «первоначальная реакция на расовое насилие, а затем становятся местом для выживания и защиты. При этом варианте анклавы представляют собой пространственное выражение реализуемой по расовому признаку модели иммиграции»³⁵.

Иногда допускается смешение понятий гетто и анклавов. Некоторые авторы считают, что образование гетто необязательно является

³⁰ Wang W., Zhou S., Fan C. Op. cit. P. 105.

³¹ Bryson E. Op. cit. P. 2.

³² Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 318. См. также: Marcuse P. Op. cit. P. 4.

³³ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 317.

³⁴ Dang A. Op. cit. P. 3.

³⁵ Dang A. Op. cit. P. 3.

результатом реализации принудительных изоляционных мер со стороны публичной власти (церкви). Так, «заклучение евреев в обособленные локальные ареалы в средневековых городах вовсе не было порождением какого-либо формального эдикта церкви или государства. Гетто не было, как иногда ошибочно считают, произвольным творением властей, призванным совладать с чужим народом. Гетто было не продуктом чьего-либо умысла, а невольной кристаллизацией потребностей и практик, укорененных в религиозных и светских обычаях и наследиях самих евреев. Еще задолго до того, как оно сделалось принудительным, евреи жили в отдельных частях городов в западных странах по собственной воле»³⁶. Подчеркивается также, что «поначалу гетто было скорее привилегией, чем ущемлением, и иногда отстаивалось как право, когда нависала угроза его упразднения»³⁷. Думается, что приведенный пример в большей мере характеризует анклав, нежели гетто.

Дискуссионной представляется позиция, в соответствии с которой гетто и анклав рассматриваются как феномены одного порядка, отражающие различные степени сегрегации. Так, канадский ученый Д. Хайберт именует «средний уровень сегрегации концентрацией, высокий уровень сегрегации — анклавом, а экстремальный уровень концентрации называет геттоизацией»³⁸.

Полагаем, что анклав и гетто можно соотносить по данной шкале только при условии признания принуждения в качестве неотъемлемого признака указанных феноменов, что неверно. В этом плане вызывает неоднозначное отношение указанный вывод Д. Хайберта, поскольку в другом месте своей работы он указывает, что «при формировании гетто всегда присутствует элемент принуждения, тогда как этнические анклав возникают под воздействием более сложного комплекса факторов, которые включают комбинацию выбора и ограничений. На этой основе выделяются “хорошая” (добровольная) и “плохая” (принудительная) формы сегрегации»³⁹. С нашей точки зрения, сегрегацией является принудительное дискриминирующее разделение социальных групп по расовому, национальному, религиозному, половому и иным признакам⁴⁰.

Следует разграничивать анклав и этнобурбы, которые квалифицируются как «гибридная форма внутригородских анклавов и пригородов, где проживает население среднего класса»⁴¹. Отмечается также, что этнобурбы представляют собой «пригородные этнические кластеры населения и бизнеса»⁴². К этнобурбам, например, относится пригород Лос-Анжелеса (США) — Сан-Габриэль Вэлли, представляющий собой крупнейшую форму территориальной локализации китайцев⁴³.

³⁶ Вурм Л. Гетто // Чикагская социология : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2015. С. 121.

³⁷ См.: Вурм Л. Указ. соч. С. 122.

³⁸ Hiebert D. Op. cit. P. 5.

³⁹ Hiebert D. Op. cit. P. 6.

⁴⁰ Следует отметить, что есть и иные позиции. Например, в юридическом словаре С. Гифиса указывается, что сегрегация представляет собой «отделение определенных лиц или предметов от других» (Gifis S. H. Law Dictionary. 4th ed. Barrons, 1996. P. 462). Думается, что данное определение характеризует одну из функций сегрегации — разграничение. Однако эта функция не является исчерпывающей для сегрегации (наряду с ней реализуются функции локализации, кластеризации и пр.). Более точным, однако недостаточно развернутым представляется определение сегрегации, содержащееся в Оксфордском словаре: «отделение людей по расовому, религиозному или половому признакам, а также проявление различного отношения к ним» (Oxford Learner's Dictionaries // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/segregate (дата обращения: 11.05.2021)).

⁴¹ Zhou M., Tseng Y.-F., Kim R. Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California // Amerasia Journal. 2008. Vol. 3. P. 60.

⁴² Zhou M., Tseng Y.-F., Kim R. Op. cit. P. 60–61. См. также: Wang Y. From Urban Enclave to Ethnoburb: Changes in Residential Patterns of Chinese immigrants. Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland, College Park, in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. 2012. P. 35 // URL: https://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/14343/Wang_umd_0117E_13946.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (дата обращения: 11.05.2021).

⁴³ Li W. Ethnoburb: The New Ethnic Community in Urban America. University of Hawai'i Press, 2009. P. 75–81.

От анклавов этнобурбы отличаются локацией (пригородные районы). Кроме того, этническая плотность в них ниже, чем в анклавах, а уровень благосостояния выше. Границы этнобурбов обычно неопределённые, в силу того, что могут охватывать территорию нескольких муниципалитетов, межселенных территорий.

В литературе указывается, что «в отличие от Чайнатауна в Нью-Йорке, этнобурбы не являются изолированными сообществами, так как они связаны с доминирующим сообществом через множественные социально-экономические отношения»⁴⁴. При этом «проживание в этнобурбах все равно замедляет процесс ассимиляции мигрантов, поскольку знакомая культурная среда и материальная обеспеченность (affluent) способствует поддержанию национальной идентичности»⁴⁵.

Подчеркивается также, что «возникновение и рост этнобурбов свидетельствует, что классическая пространственная модель ассимиляции нуждается в переосмыслении. Так, по итогам проведенного анализа моделей проживания (residential patterns) китайцев в Нью Йорке (США) сделан вывод, что данные модели увязаны с социально-экономическими параметрами: так, китайцы, обладающие достаточными средствами и при условии, что позволяет семейная ситуация, предпочитают выбирать для проживания пригороды (Квинс или Бруклин)»⁴⁶.

В Российской Федерации наблюдаются тенденции концентрации мигрантов в пригородах крупнейших агломераций (например, в Московской, Иркутской областях). Проживание в границах данных территорий обусловливается не обеспеченным положением мигрантов, а возможностями, обусловленными консолидацией ресурсов (в том числе трудоустройство, дешевизна жилья)⁴⁷. В прессе отмечается, что «вокруг Москвы массово строятся пригороды на тысячи квартир, а в границах города целыми микрорайонами приходит в негодность старое

жилье. И тот и другой процессы способны привести к образованию маргинальных анклавов»⁴⁸. Отмечается также, что «мигранты заселяют русские деревни по территориальному принципу, то есть люди из одного региона, как правило, переезжают в одну российскую деревню. Так появляются обособленные таджикские или узбекские поселения со своей сложившейся общиной. Из-за того, что в России нет никаких серьезных программ по интеграции мигрантов в российское общество, из подобных поселений начинают складываться закрытые диаспоры, которые по мере роста становятся серьезной социальной силой. При этом они легко попадают под влияние заинтересованных в них политиков и нередко становятся жертвами вымогательств и манипуляций»⁴⁹.

В этом плане не вполне можно согласиться с оптимистическим взглядом К. В. Григоричева, который применительно к пригородам Иркутской области отмечает, что «именно пригород может продемонстрировать перспективы качественно нового этапа взаимодействия мигрантских и местных сообществ, когда взаимная зависимость становится условием и фактором стабильности»⁵⁰. Необходимо отметить, что взаимозависимость не обуславливает стабильности и не обеспечивает ей прочную основу, поскольку в этом конкретном контексте, как правило, является вынужденной в силу имплицитной конкуренции, в том числе на рынках труда и недвижимости. В этой связи каждая из сторон будет стремиться избавиться от нежеланных обременений, обрести возможность достижения и поддержания стабильного, устойчивого положения как минимум безотносительно прямой зависимости от внешних факторов (третьих лиц), пытаться нарастить влияние, доминировать над смежными социальными группами.

При квалификации анклавов надлежит учитывать весь объем актуальных характеризующих и идентифицирующих их признаков.

⁴⁴ Dang A. Op. cit. P. 3.

⁴⁵ Shuang Li. Op. cit. P. 23.

⁴⁶ Wang Y. Op. cit. P. 28–29.

⁴⁷ Клоков П. В коттеджных поселках появились городки мигрантов // Комсомольская правда. 11.11.2019. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27053.5/4119877/> (дата обращения: 11.05.2021).

⁴⁸ Купер А. Чужой район: Москву окружают гетто для мигрантов // Lenta.ru. 09.01.2018. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/01/09/ghetto/> (дата обращения: 11.05.2021).

⁴⁹ Спасут ли мигранты русскую деревню? // URL: <https://newizv.ru/news/society/17-01-2018/vopros-dnya-spasut-li-migranty-russkuyu-derevnyu> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵⁰ Григоричев К. В. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 29.

Связано это с тем, что нередко анклав преобразуются до такой степени, что фактически становятся культурно-досуговыми центрами, рассчитанными на привлечение внимания преимущественно туристической аудитории (туристический кластер). Так, Чайнатаун в федеральном округе Колумбия и Маленькая Италия в Нью-Йорке (США) «сегодня представляют собой притягивающие туристов “Диснейленды”, в рамках которых искусственно (ввиду воздействия ассимиляционных тенденций. — И. И.) отражается комплексная (симбиозная) культура, которая когда-то здесь реально присутствовала»⁵¹. Думается, что такие районы едва ли правомерно квалифицировать в качестве полноценных анклавов — данные пространства по сути выступают лишь их символическим отражением — имитацией, подчеркивающей уникальную аутентичность. Именно в этом контексте можно согласиться с мнением о том, что «формирование этнических анклавов есть положительное явление для сохранения куль-

туры меньшинств и обогащения облика городов, которые становятся благодаря этому более космополитическими»⁵².

В иных формах преломления (воплощения) национально-этнические анклав могут сосредоточивать достаточные высокие риски (потенциал) нарастания (эскалации) конфликтности, репродуцировать (видоизменять) и кристаллизовать данные состояния (матрицы конфликтности) в различных дифференцированных модификациях (прежде всего на ментальном уровне). В значительной мере данный феномен детерминирован эффектом локализации (в том числе автономизации, внутренней и внешней изоляции) замкнутых «параллельных пространств», «аутентичным» (искаженным) восприятием участниками анклава объективных реалий социальной действительности. Такой подход предопределяет необходимость всестороннего изучения всего объема качественных характеристик анклавов как феномена современной действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. — 2019. — № 6. — С. 6–17.
2. Вирт Л. Гетто // Чикагская социология : сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2015. — С. 107–166.
3. Григоричев К. В. «Таджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 4. — С. 14–31.
4. Клоков П. В коттеджных поселках появились городки мигрантов // Комсомольская правда. — 11.11.2019. — URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27053.5/4119877/> (дата обращения: 11.05.2021).
5. Купер А. Чужой район: Москву окружают гетто для мигрантов // Lenta.ru. — 09.01.2018. — URL: <https://lenta.ru/articles/2018/01/09/ghetto/> (дата обращения: 11.05.2021).
6. Мельникова А. С. Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. — Т. 2. — С. 329–333.
7. Bryson E. Functions of Urban Ethnic Enclaves with a Focus on South Boston's Ethnic Irish Enclave in a Historical Perspectives. Open Access Master's Theses. Paper 1768. — 2003. — 63 p.
8. Chaney J. The Formation of a Hispanic Enclave in Nashville, Tennessee // Southeastern Geographer. — 2010. — Vol. 50.

⁵¹ Yi Jiang. Signs in Urban Spaces in Ethnic Enclaves: A Case Study of Manhattan Chinatown : A Thesis Presented to the Faculty of Architecture, Planning, and Preservation Columbia University in the City of New York. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Urban Planning. May 2018. P. 54 // URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D80P2GH6/download> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵² Sabatini F. The Social Segregation in the Cities of Latin America. Washington, DC : Inter-American Development Bank (IADB), Sustainable Development Department, Social Programs Division. 2006. P. 8 // URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/The-Social-Spatial-Segregation-in-the-Cities-of-Latin-America.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

9. Dang A. The impact of ethnic enclaves on the assimilation of a community: the case of Chinese in New York and Los Angeles. — 10 p.
10. Gifis S. H. Law Dictionary. — 4th ed. — Barrons, 1996. — 561 p.
11. Hiebert D. Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver // IRPP Study 52. — Montreal : Institute for Research on Public Policy, 2015. — 49 p.
12. Li W. Ethnoburb: The New Ethnic Community in Urban America. — University of Hawai'i Press, 2009. — 214 p.
13. Liempt I. From Dutch Dispersal to Ethnic Enclaves in the UK: The Relationship between Segregation and Integration Examined through the Eyes of Somalis // Urban Studies Journal Foundation. — 2011. — Vol. 22.
14. Marcuse P. Enclaves Yes, Ghettos, No: Segregation and the State. — 2001. — 15 p.
15. Marten L., Hainmueller J., Hangartner D. Ethnic network can foster the economic integration of refugees // PNAS. — 2019. — Vol. 116. — № 33.
16. Model S. A Comparative Perspective on the Ethnic Enclave: Blacks, Italians, and Jews in New York City // International Migration Abstract. — 1985. — Vol. 19.
17. Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006 // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. — 2010. — Vol. 11.
18. Sabatini F. The Social Segregation in the Cities of Latin America. — Washington, DC : Inter-American Development Bank (IADB), Sustainable Development Department, Social Programs Division, 2006. — 40 p.
19. Shuang Li. Ethnicity and Migration — The Concentration and Dispersion of Foreign-Born Asians and Hispanics in the United States. Electronic Theses and Dissertations. — 2020. — 174 p.
20. Valenzuela-Garcia H., Molina J., Lubbers M., Garcia-Macias A., Pampalona J., Lerner J. On Heterogeneous and Homogeneous Networks in a Multilayered Reality: Clashing Interests in the Ethnic Enclave of Lloret de Mar // Societies. — 2014. — Vol. 4.
21. Wang W., Zhou S., Fan C. Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // Eurasian Geography and Economics. — 2002. — Vol. 43.
22. Wong A., Anderson K., Ang I., McNeill D. Sydney's Chinatown in the Asian Century: From ethnic enclave to global hub. Research Report. Western Sydney University. — 2016. — 81 p.
23. Yi Jiang. Signs in Urban Spaces in Ethnic Enclaves: A Case Study of Manhattan Chinatown : A Thesis Presented to the Faculty of Architecture, Planning, and Preservation Columbia University in the City of New York. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Urban Planning. — May 2018. — 63 p.
24. Zhou M. Ethnic enclaves and niches. — 4 February, 2013. — Wiley Online Library.
25. Zhou M., Tseng Y.-F., Kim R. Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California // Amerasia Journal. — 2008. — Vol. 3.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2021 г.

REFERENCES

1. Vendina OI, Panin AN, Tikunov VS. Sotsialnoe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social space of Moscow: features and structure]. *Izvestiya RAN. Geographic Series*. 2019;6:6-17 (In Russ.).
2. Virt L. Getto [Ghetto]. In: Efremenko DV, editor. *Chicago Sociology: Collected Works*. Translations. Tr. by Nikolaev VG. Moscow: RAS. INION. Center for social. scientific-inform. research. Dept. sociology and social. psychology; 2015 (In Russ.).
3. Grigorichev KV. «Tadzhiki», «nerusskie», «gastarbaytery» i drugie: inostrannye trudovye migranty v prigorodakh Irkutsk [The Tajik, Non-Russians, Gastarbeiters, and others: Foreign Migrant Workers in the Suburbs of Irkutsk]. *Ethnographic Abstract*. 2012;4:14-31 (In Russ.).
4. Klovok P. V kottedzhnykh poselkakh poyavilis gorodki migrantov [Small towns of migrants appeared in cottage settlements]. *Moskovsky Komsomolets* [11 November 2019] (In Russ.).
5. Kuper A. Chuzhoy rayon: Moskvu okruzhait getto dlya migrantov [A foreign area: Moscow will be surrounded by a ghetto for migrants]. *Lenta.ru* [9 November 2018] (In Russ.).
6. Melnikova AS. Izucheniye faktorov formirovaniya natsionalnykh anklavov v usloviyakh megapolisov [Studying the factors of formation of national enclaves in the conditions of megalopolises]. In: *Demographic potential*

- of the EAEU countries: VIII Ural Demographic Forum. Vol. 2. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2017 (In Russ.).
7. Bryson E. Functions of Urban Ethnic Enclaves with a Focus on South Boston's Ethnic Irish Enclave in a Historical Perspectives. Open Access Master's Theses. Paper 1768; 2003.
 8. Chaney J. The Formation of a Hispanic Enclave in Nashville, Tennessee. *Southeastern Geographer*. 2010;50.
 9. Dang A. The impact of ethnic enclaves on the assimilation of a community: the case of Chinese in New York and Los Angeles.
 10. Gifis SH, editor. Law Dictionary. 4th ed. Barrons; 1996.
 11. Hiebert D. Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver. IRPP Study 52. Montreal: Institute for Research on Public Policy; 2015.
 12. Yi Jiang. Signs in Urban Spaces in Ethnic Enclaves: A Case Study of Manhattan Chinatown : A Thesis Presented to the Faculty of Architecture, Planning, and Preservation Columbia University in the City of New York. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Urban Planning; 2018.
 13. Li W. Ethnoburb: The New Ethnic Community in Urban America. University of Hawai'i Press; 2009.
 14. Liempt I. From Dutch Dispersal to Ethnic Enclaves in the UK: The Relationship between Segregation and Integration Examined through the Eyes of Somalis. *Urban Studies Journal Foundation*. 2011;22.
 15. Marcuse P. Enclaves Yes, Ghettos, No: Segregation and the State; 2001.
 16. Marten L, Hainmueller J, Hangartner D. Ethnic network can foster the economic integration of refugees. *PNAS*. 2019;116(33).
 17. Model S. A Comparative Perspective on the Ethnic Enclave: Blacks, Italians, and Jews in New York City. *International Migration Abstract*. 1985;19.
 18. Qadeer M, Agrawal S K, Lovell A. Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006. *Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale*. 2010;11.
 19. Sabatini F. The Social Segregation in the Cities of Latin America. — Washington, DC : Inter-American Development Bank (IADB), Sustainable Development Department, Social Programs Division; 2006.
 20. Shuang Li Ethnicity and Migration — The Concentration and Dispersion of Foreign-Born Asians and Hispanics in the United States. Electronic Theses and Dissertations; 2020.
 21. Valenzuela-Garcia H, Molina J, Lubbers M, Garcia-Macias A, Pampalona J, Lerner J. On Heterogeneous and Homogeneous Networks in a Multilayered Reality: Clashing Interests in the Ethnic Enclave of Lloret de Mar. *Societies*. 2014;4.
 22. Wang W, Zhou S, Fan C. Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing. *Eurasian Geography and Economics*. 2002;43.
 23. Wong A, Anderson K, Ang I, McNeill D. Sydney's Chinatown in the Asian Century: From ethnic enclave to global hub. Research Report. Western Sydney University; 2016.
 24. Zhou M. Ethnic enclaves and niches. Wiley Online Library; 2013.
 25. Zhou M, Tseng Y-F, Kim R. Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California. *Amerasia Journal*. 2008;3.